

Анна Ковалева

Муки для невинной,
СВОБОДЫ
или цена его

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

современный любовный роман

18+

Анна Ковалева

**Муки для невинной,
или Цена его свободы**

<https://litres.ru/74398842>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он — человек, который пытается выжить в крошечном аду и остаться человеком.

Она — его добыча, девушка попавшая в беду. Две жизни, одна локация и жестокая игра, в которой ставки слишком высоки.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	15
Глава 2	21
Глава 3	33
Глава 4	40
Г	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Муки для невинной, или Цена его свободы

Пролог

Наши дни.

Колония особого режима «Золотой пик».

Бешеный/Тигр (Алексей)

— Шевелись давай, Бешеный, — издевательски хохочет Земнов, толкая меня в спину. Пойдём за твоей наградой.

Мне не дают даже обтереться. Ведут по коридорам как зверя, всего в крови, в одних шортах.

Так и загоняют в помещение, где сгрудились в кучку де-вушки. Которые как по команде поворачивают головы в мою сторону.

А у меня не остаётся слов. Даже матерных. То, что я вижу, заставляет ладони сжиматься в кулаки от бессильной ярости.

Блядь! Девочки же совсем молоденькие, едва ли здесь есть хоть одна старше двадцати пяти, и запуганные донель-зя. Обряженные, правда, как последние шлюхи, но по перепуганным глазам видно, что собой торговать не привыкли.

Обычные девчонки, которых силой вырвали из обычной

жизни и отправили на бойню. В мясорубку, в которой выжить шансов очень мало.

Я знаю, посмотрелся турниров за эти годы. Видел как избавлялись от тел бойцов, сгинувших в клетке, и от тел девушек, которые не выживали после недели взаперти с одичавшим мужиком. Олег рассказывал в каком они были состоянии. Ему как врачу приходилось констатировать смерти.

Каждый раз после турнира он брал двухнедельный отпуск и бухал до беспамятства. Просто чтобы не сойти с ума. Ведь сделать всё равно ничего не мог. Против системы не попрёшь.

Девчонки трясутся как тростинки, плачут, жмутся друг к другу. Я же начинаю звереть и отвожу взгляд от полуголых тел.

Не нужно мне всё это! Не нужно!!! Не привык я брать баб насильно, а тут добровольностью даже пахнуть не будет. Они же еле живые от страха. Что неудивительно, я весь в кровищи с головы до пят. Любая в штаны от страха наложит.

— Давай, Бешеный, — хохочет Филиппов. — Я сегодня добрый, так как ты мне принес кучу бабла. Выбирай приз живую. Можешь даже потрогать. Потестировать, так сказать.

— Меня не интересуют бабы. Только свобода. Этих шалав оставьте себе, — говорю сознательно грубо, но моя отмаза не канает.

— Не, так не пойдет, Бешеный. — снова мерзкий смех.

— Ты же знаешь, что заказчики жаждут и более горячего развлечения на вечер. Так что выбирай.

Да знаю я, чего хотят зажавшиеся богатенькие недоноски. Сперва кровищи на арене, а потом жесткого хоум-видео. Уроды... И ведь не откажешься теперь. Не для того я рисковал своей шкурой, чтобы всё прошло впустую. Придётся теперь идти до конца.

— Мне без разницы кого драть. Лишь бы дырки рабочие были. Так что выбери по своему вкусу. — сознательно изображаю равнодушие и отвожу взгляд, не давая похоти одолеть разум.

А желания тела берут вверх при виде красивых полуобнажённых тел. Чистая физиология, мать её.

— Ну как хочешь, — гнусно хохочет шакал, обходит комнату, сальным взглядом раздевая несчастных, а потом резко хватает одну из девушек.

— Нет! — кричит совсем молоденькая девчонка, когда этот амбал её вздергивает на ноги как куклу. Но мой взгляд падает не на неё, а на её... кого? Товарку по несчастью, подружку? Впрочем, это не важно.

Важно, что я замечаю эту зеленоглазку и почти перестаю дышать. Красивая сучка. Волосы как жидкий огонь, точёная фигурка, соблазнительные сиськи, выставленные напоказ высоким корсетом. Но самое главное — это выражение лица. Какое-то неземное, особенное.

И то, как она рванула на помощь подружке, понимая что

всё бесполезно.

Девчонка водит взглядом по моему телу, рассматривает. Я понимаю, что боится, ужас так и плещется в нереально огромных глазах. Монстра во мне видит, тут гадать не нужно. Кого еще может видеть испуганная до полусмерти девочка в перепачканном кровью зэке. Только чудовище.

А меня клинит на ней. Словно пулей насквозь прошивает. Этот испуганный взгляд моим воспалённым сознанием ощущается как ласка.

Торкает от него так, что член моментально делает стойку. Яйца чуть ли не дымиться начинают.

Будь оно всё проклято, но я хочу её. И уже похер на камеры, и похер на то, что она добровольно вряд ли меня захочет...

Ничего, потерпит куколка. Лучше её возьму я, чем эти подонки.

Я хочу себе эту рыжую зеленоглазку. Она мой выигранный трофей, и я его получу.

— Её хочу, — указываю на девушку разбитой в бою рукой.

Глаза куклы при этом становятся еще больше от страха. Она знает, что её ждет, но понимает, что сопротивляться бесполезно. Потому сразу встает, хотя обречённость сквозит в каждом движении.

На рефлексах делаю рывок к ней, но меня оттаскивают и выпроваживают из комнаты. Рычу, не нравится мне, что добыча ускользает из рук.

А ладони аж горят, так дотронуться до сладкого тела хочется. Везде и сразу. И сделать так, чтобы не тряслась, а сама отдавалась. Чтобы кричала на всю эту трижды проклятую тюрягу, срывая голос.

— Ну вот, — паскудно оскалился Земнов. — А говорил, что не хочешь. А сам завелся с пол-оборота. Терпи, через пару часов приведут тебя к твоей девке.

Кровь жесткими толчками бьёт в виски, адреналин гуляет по телу, побуждая к активным действиям. Дикое возбуждение сводит с ума, но я терплю и покорно иду в своё крыло.

Понимаю, что надо хотя бы от кровищи отмыться сначала. Чтобы девчонка от страха не откинулась прежде, чем я к ней прикоснусь.

Но когда встаю под ледяной душ, всё равно вижу её перед глазами. Представляю всё то, что с ней сделаю и схожу с ума от предвкушения...

Моя! Моя! МОЯ! — беснуется зверь внутри меня. Чувствует свою самку, рвётся к ней. Хочет подмять под себя и овладеть, присвоить, заклеить. И я знаю, что скоро позволю ему сорваться с цепи...

Четыре года назад г. Петровск.

Алексей

— Привет, любимая, — подкравшись сзади, обхватил Аню за талию и прижал к себе.

— Лешка! — она обернулась и кинулась мне на шею. По-

смотрела своими лучистыми глазами, а у меня сердце перевернулось от счастья. Век бы от них не отрывался. — Ты приехал! Я так скучала.

— А уж как я скучал! — я не врал, честно. Всю эту трехдневную командировку считал дни до нашей встречи. Стоило закрыть глаза, как представлял ее пшеничного цвета волосы и глаза цвета июньского неба. Вспоминал каждую родинку на теле, каждый шрамик, каждый знакомый изгиб.

Представлял как вернусь, отнесу ее в спальню и буду любить до самого рассвета. Нежно и долго ласкать, доводя до оргазма. Так, как она любит.

Только своим воображением и держался все эти недели. Ну и нашими долгими разговорами по вечерам. Мы болтали часами, а потом долго не могли попрощаться, выбирая кому прерывать разговор. В итоге Аня всегда отбивалась первой, а я ещё долго пялился в телефон, представляя как она переодевается и укладывается в постель. И надеялся, что перед сном думает обо мне.

За два года, что мы знакомы, Аня успела стать для меня всем. Моим миром, моим сердцем и душой. Моей судьбой.

А ведь мы могли и не встретиться, если бы Макс не позвал меня тогда в ночной клуб. Ему хотелось оттянуться, а мне поспать после тяжелого рабочего дня. Я вкалывал как проклятый, работая на «IB Group». Занимался разработкой сайтов и написанием программ, помогал с разработкой и усовершенствованием мобильных приложений.

В общем, был на хорошем счету и хорошо зарабатывал. Смог купить отцу новую машину и купить хорошую квартиру без тягомотины с ипотекой. Но моей мечтой было другое – хотел открыть свое дело. Реализовывать собственные проекты и ни от кого не зависеть. Но для этого мне необходимы были хороший финансовый задел и нужные связи.

Вот этим я и обрастал, работая в IT холдинге. Забывая не только об отпуске, но даже об обычных выходных. Их я тоже проводил за компьютером. Но работал уже над собственными изобретениями. Была парочка идей, которые при воплощении в жизнь могли принести не то, что солидную прибыль, а просто озолотить.

Но в тот вечер я решил расслабиться и поехал с другом в клуб. И там встретил её — своё белокурое счастье. Она так божественно танцевала, что я как прилип взглядом, так и не смог отлипнуть.

А потом представился и повод познакомиться: к ней подкатил какой-то урод и я его отшил пинком под зад. А потом уже сам пригласил потанцевать, угостил коктейлем.

Так у нас и закрутилось. Макс посмеивался, говоря, что я от любви совсем с катушек слетел, а я шутливо его посылал. Знал же, что друг прикалывается.

В общем, спустя два месяца я познакомил Аню с отцом, а она меня со своими родителями. А еще спустя пару месяцев мы стали жить вместе.

И в отличие от многих других пар у нас не было ни ссор,

ни скандалов на бытовой почве. Аня не упрекала меня, если я забыл опустить стульчак унитаза или не вынес мусор, а я готовил ужин, если она не успевала приготовить. Идеальные отношения.

О свадьбе не задумывался, честно говоря. Ведь штамп не сделает пару счастливее, чем она есть. Да и Аня никогда не заводила разговор на эту тему, так что я считал, что всё идет как надо.

Но пока был в командировке в Питере, успел пересмотреть свои взгляды.

Я вдруг понял, что до смерти хочу сделать Аню своей. Не только на словах и в постели, но и официально. Чтобы каждый видел кольцо на пальце и не смел даже близко подходить.

Я хотел начать строить с ней свое будущее; делить напополам все — неудачи и взлеты, падения и новые начинания.

Хотел вместе с ней создавать свою фирму и делать так, чтобы Аня имела все, о чем только пожелает. Все самое лучшее. Готов был расшибить лоб и стать для неё каменной стеной.

Поэтому в один из дней зашел в ювелирный салон и выбрал самое красивое кольцо из имеющихся в ассортименте. Анины вкусы я успел изучить, и был уверен, что ей понравится.

— Ань, — оторвавшись наконец от желанных губ, спросил. — Надеюсь, у тебя нет планов на вечер? Я понимаю, что

приехал без предупреждения, но хотел бы этот вечер провести с тобой. И да, я заказал для нас столик в «Медичи».

— Ну, — глаза девушки блеснули при упоминании любимого ресторана. — Ради похода в «Медичи» я отменю наши вечерние посиделки с Каринкой.

— Только ради ресторана? — притворившись оскорблённым в лучших чувствах, приложил руку к сердцу. — А как же я?

— Да шучу я, — рассмеялась она, закинув мне руки на шею. — Как я могу отказаться провести вечер с тобой? А Каринка подождёт.

— Я люблю тебя, Ань. — произнес прямо в губы.

— И я тебя, Леш. — вздохнула и сама прильнула к моим губам, начав затяжной поцелуй.

— Знаешь, я уже жалею, что пригласил тебя в ресторан. Надо было оставаться дома.

Аня в этом ярко-алом платье была настолько прекрасной и сексуальной, что хотелось вернуться в квартиру и отлюбить её на всех доступных поверхностях. И не факт, что платье после этого осталось бы целым.

— Ну уж нет, — тут же возмутилась она. — Ты обещал мне выход в свет. А продолжить вечер в горизонтальной плоскости мы всегда успеем.

— Смотри, милая, — припарковавшись на стоянке, я от-

стегнул ремень и жарко поцеловал любимую. — Сегодня ночью ты точно спать не будешь. Я очень голоден...

— А я ничего не имею против, — хитро улыбнулась она и выскользнула из машины.

Вечер прошел прекрасно, мы много разговаривали, смеялись, танцевали под живую музыку. Про блюда и вино я вообще молчу, все было по высшему разряду.

И уже в самом конце, когда принесли десерт, я приступил к тому, для чего и планировался этот ужин.

— Ань, — поднес руку девушки к губам и поцеловал. — У меня есть к тебе важный вопрос.

— Слушаю, — улыбнулась в ответ, переплетя наши пальцы. А я тут же выудил из кармана бархатную коробочку и поставил перед ней.

— Будешь моей женой? — спросил, затаив дыхание.

И кажется, что вместе со мной дышать перестал весь ресторан. По крайней мере, люди, сидевшие за соседними столиками, как по команде развернулись в нашу сторону.

Проходившие мимо официанты тоже застыли как мраморные изваяния. Всем было интересно, что ответит счастливица, которой предложили руку и сердце.

— Боже мой, Леш, — глаза у Ани стали как два блюдца. Она приложила к губам ладонь, и я видел, как дрожали её пальцы.

— Ну так что? — поторопил. Чувствовал, что нервы на пределе. Даже не знаю, что было бы, если бы она сказала мне

«нет». Но в ответ я услышал совсем другое.

— Конечно, да! — вскрикнула она, и мне от радости сорвало крышу. Быстро надев на ее палец колечко, я притянул Аню к себе.

— Ну все, невеста, ты теперь моя. Навсегда.

— А ты мой.

Целовались мы под громкие аплодисменты и выкрики посетителей ресторана. Впрочем, едва ли я разбирал, что именно нам желали.

Я полностью растворился в своём счастье и любимой женщине. Даже не представляя, что всего через пару часов произойдёт трагедия, которая разрушит мою жизнь до самого основания...

Глава 1

Наши дни.

Колония особого режима «Золотой пик».

Тигр (Алексей)

— Ты как? — Олег наклоняется ко мне, хлопает по щекам. Не дождавшись ответа, просто берёт бутылку воды и выливает мне на голову.

Я отфыркиваюсь и мотаю головой. Прохладная вода заливает глаза и уши, но заодно прочищает мозги. А мне сейчас позарез нужно собраться.

Впереди очередной раунд, позади уже пять. И этот должен стать решающим. Чем дольше длится бой, тем хуже. Силы начинают убывать, рука уже не так держит удар, пот и кровь застилают глаза.

Нет, кончать надо как можно быстрее. Пока меня не превратили в бифштекс. Радует только, что и Бычару я успел хорошо потрепать. Свернул нос, подбил правый глаз, вмазал по ребрам, отбил бедро...

Встречаюсь взглядом с Быком, сидящим на противоположной стороне октагона. Он прищуривает глаза, проводит характерным жестом по горлу и сплевывает на настил. А по-

том глумливо скалится.

В ответ я показываю ему фак и посылаю свой фирменный, звериный оскал. Им я и заслужил среди заключенных кличку Тигр, голову которого мне выбили на плече после пары месяцев заключения.

Но это для товарищей по нарам, для охраны я был просто Бешеным.

Бешеный тигр. Отличное сочетание для бойца, вынужденного бороться за жизнь и свободу на кровавой арене.

Вздохнул, выматерился, сжал кулаки. Что ж, вызов Быка принят. Из этого октагона живым выйдет только один из нас. К такому исходу я был готов — Бык с первой встречи со мной на ножах, и только благодаря авторитету среди сокамерников и привычке спать с открытыми глазами, я еще не подох от заточки в боку.

Хотя между нами была не одна драка и не одни сутки, проведённые в карцере. Бык ненавидел меня люто, а я отвечал ему тем же. Сучий потрох отбывал срок за наркоторговлю, разбой и несколько убийств. Причём он прикончил даже собственного папашу, просто перерезал тому глотку во сне. Это всё, что нужно знать об этом выкидыше природы.

И если мне суждено взять на душу чью-то кровь, то пусть это будет его грязная черная жижа. Без таких выроdkов даже это поганое место станет чище.

Официально бой заканчивался полной сдачей противника, смерть не ставилась обязательным условием победы, но

все мы знали, что эти мудаки с золотыми кошельками хотят наиболее кровавого зрелища.

Эти зажавшиеся ублюдки любят чужую боль, кровь и страдания. Они питаются ими. Упыри ёбанные. Чтоб им в аду гореть вечно.

К тяжело раненому даже помощь не пускают до последнего, ждут чтобы подольше помучился. Грач, который дрался в октагоне до меня, буквально захлебнулся собственной кровью. Из клетки выносили уже труп.

Жаль мужика. Неплохой был, жил по правилам, беспредел не творил. Но мне главное — не повторить его судьбу. Моя цель — выжить. И поквитаться с теми, из-за кого я отправился на зону. За предательство они мне ответят сполна.

— Пока еще живой, Док, — усмехнулся, потирая подбитый бок. — И планирую таким и остаться.

— Держись, — Дегтярев хлопнул меня по плечу, стараясь поддержать. — Скоро начнет действовать препарат.

У нас с главным лепилой тюремной больницы сложились хорошие отношения. Что редкость в рамках «врач-заключенный». Просто Олег мужик с большой буквы, а в Золотой пик работать пошел не от хорошей жизни.

Самого чуть не осудили в свое время. Из-за того что не смог спасти блатную дочурку, прочно сидевшую на «хмуrom». Там уже шансов не было, организм был убит наркотой. Но взбешенный родитель решил все выставить как врачебную ошибку. Лишь бы никто не узнал, что его дочь была

наркоманкой.

Чтобы не подмочить себе репутацию перед выборами, папаша-депутат подал в суд, устроил публичный скандал. Началась травля.

Вот и пришлось выбирать Дегтяреву — или десять лет работы врачом в колонии и чистая репутация в итоге, или несколько лет в качестве зэка и полная потеря медицинской лицензии. А он спец от Бога, этого не отнять. Вот и выбрал должность тюремного лепилы. Благодаря ему, собственно, и я, и многие другие до сих пор живы.

Во время моей первой лежки в лазарете мы и разговорились. Почуяли, видимо, схожую судьбу.

— Спасибо, Док, — кивнул и наклонился ближе. Хотя за рёвом сотен глоток с трибун нас и так бы никто не расслышал. — У тебя проблем не будет?

— Не будет — усмехнулся. — Никто и носа не подточит. Даже если тебе решат сделать вскрытие, что вряд ли, правда не всплывет. Я позабочусь.

Стимулирующие инъекции для выносливости выдавались каждому бойцу за пару часов до поединка. Этим извергам необходимо было продлить бой. Чтобы не было слишком скучно.

Этот дикий коктейль придавал сил и полностью убирал боль на время действия. Но было правило – каждому по одной инъекции. Защита от передоза.

Но Олег тайком вколол мне второй укол. Мне нужен был

допинг, чтобы побыстрее свалить Быка. Да, я понимал, что от двойной дозы могу откинуть лыжи от остановки сердца. Но лучше сдохнуть победителем и своей смертью, чем от рук этого ублюдка.

Знаешь, что умрёшь на ринге, в самом жестком поединке Финал свой ты выбрал сам.

— Спасибо за поддержку, — я встал со стула и начал разминаться. То же самое начал делать и Бык.

На трибунах тем временем нарастал шум. Да, для арестантов бои были крутым зрелищем. Они тоже жадно упивались происходящим, особенно те, кому арена не светила. И те, кто был особо склонен к жестокости.

— Чем смог, Тигр. Теперь дело за тобой. Смотри не сдохни.

— И тебе не хворать...

За Игорем захлопнулась дверь клетки, медбрат, обслуживавший Быка, тоже вышел. Мы с ним остались наедине. Оба встали в стойку, демонстрируя друг другу свою силу.

Зэки на трибунах взвыли, предчувствуя кровавую развязку. Гандоны в скрытой ложе наверняка тоже прилипли к стеклу или к экранам, на которых велась трансляция.

Вот и все. Время пришло. Я сделал полный разворот, вскинув обмотанные тонкой тканью ладони вверх. Вызвав очередную порцию криков от наблюдающих. Я знал, что

многие из них сейчас делают ставки. И думаю, многие ставят на меня...

— Готов подохнуть, Тигр? — выставил в зверином оскале пожелтевшие зубы Бык, когда мы сошлись в центре ринга.

— В аду черти с радостью прочистят тебе дымоход.

— Пошёл ты на хер, козёл. — выплюнул я, встав в стойку.

Глава 2

Шестой раунд — уже не шутки. Даже под допингом и ад-реналином сознание так и норовит куда-то уплыть, а тело подводит.

Впрочем, у Быка ситуация хуже, так что нужно добавить гниду, пока не пошёл откат.

*Тем, кто видел маску смерти,
По-другому солнце светит
Теперь ты один из них...*

Шаг, два, три... И вот мы уже стоим в центре арены. Сердце колотится как сумасшедшее, разгоняя кровь по венам.

Тело напрягается, готовое ринуться в опасный бой. Мышцы уже на пределе, буквально горят от перенапряжения.

Бычара стоит чуть боком, прикрывая подбитую ногу, на которой уже была заметна огромная, наливающаяся синевой гематома. Перелома нет, но явно трещина. А еще пару хороших ударов — и тварь совсем без ноги останется, что он очень хорошо понимает.

Оскалившись, делаю вид, что собираюсь пробить ему именно в ноги, но как только Бык рефлекторно смещается для блока, тут же пытаюсь достать его прямым в голову.

Промах, здоровяк успевает убрать голову, да еще и меня умудряется схватить за запястье, потянув на себя.

Явно собирался выйти на бросок и повалить на канвас, но отбитая нога подводит – она скользит по настилу, и я не только освобождаюсь, но и сам беру ублюдка в крепкий захват и лбом пробиваю ему в нос. Снова. Слышится глухой треск...

Получай, мразь!!!

Правда, сам чуть не получил по ребрам, лишь в последний момент успел прикрыться локтем. И непонятно, кто от этого пострадал больше.

*Бои без правил,
Ни жалости, ни игры.
Бои без правил,
Разбитые в кровь миры.*

Разойдясь на два шага, замерли тяжело дыша. Бык демонстративно сплюнул кровь и с рёвом рванул вперед, стремясь подмять, повалить и задавить, как он привык... Я-то в курсе, как он любит болевые и удушающие приемы. Но, опять же, нога.. Уже так не попрыгает.

Он это прекрасно понимает и злится. А вот это уже плохо, потому что злость стимулирует выброс адреналина, а следовательно утраивает силы.

Поднырнув под его растопыренные руки справа, где Бы-

ку нормально мешал видеть заплывший глаз, умудрился сделать подножку этой туше.

Бык запнулся, но не упал. Зато замешкался. Что стоило ему хорошего удара по все той же ноге. Очень хорошего. От всей души, с оттягом.

Вой и мат припавшего на колени уёбка прошли мимо сознания. Нужно добить, пока есть еще силы и время. Причём сразу и наглухо.

О своём былом ни слова. Ненависть мешая с кровью,

Наносишь врагу удар.

За болью и усталостью мой новый рывок он проморгал. И это стало фатальной ошибкой. За пару секунд я уже оказался прямо перед ним.

Два быстрых легких удара левой в голову — и Бычара поплыл окончательно.

Шум и гвалт на трибунах нарастает, заключенные рвут глотки, кричат, поддерживают, шлют проклятия.

Некоторые рвутся прямо к клетке, но охрана парочкой ударов по хребтам быстро отгоняет их обратно.

Это всё здорово отвлекает, поэтому я стараюсь полностью отключить слух. Сейчас весь мир сузился до размеров этого треклятого октагона.

Есть только я и мой противник. И выжить может только

один из нас. С моего лица течет кровь, но я отмахиваюсь от этого, и продолжаю атаку.

**Все получит победивший,
Проигравший станет лишним,
Так было везде всегда.**

Легко проломив сопротивление, наношу пару ударов по корпусу, заставляя противника отступить. Быка уже заметно шатает, осталось поднажать.

Тяжелый правый, как любят шутить, похоронный вышел практически академически правильным. Я немного довернул корпус и всем вложенным весом окончательно превратил его морду в кровавое месиво.

Секунда — и тяжелая туша падает на канвас. Толпа затихает, ждёт... Чертовы стервятники.

Гребаные толстосумы тоже ждут исхода, я уверен. Прищуривают глаза, делают последние ставки. Наслаждаются зрелищем...

Рефери заходит в октагон и начинает считать. Один, два, три.... Ответа нет. Бык лежит неподвижно. Неужели подход? Почему-то не верится.

*Жалкие гримасы власти, Громкий пир чужого счастья,
Здесь места под солнцем нет.*

Чуйка не подводит. Рефери уже готовится объявить мою победу, как Бык внезапно вскакивает. Его глаза горят чистейшим безумием, а на губах пузырится кровавая пена.

Это последний рывок, рывок человека которому нечего терять. Обречённого.

Он пытается достать меня, но я успеваю раньше. Делаю выпад — и ногой с разворота попадаю ему в голову.

Нет ни равенства, ни братства,

Остается только драться,

Ты не камень в чужой стене!

Страшный хруст — и уже мёртвое тело падает на пол. Все кончено. Рефери наклоняется к Быку, щупает пульс, а потом свистит, вскидывая правую руку вверх.

Рев трибун просто оглушает... После поданного знака я совершаю круг почета по рингу. Кровь бурлит, разум скрыт кровавой пеленой. Я кричу, прыгаю, бью себя кулаками в грудь.

В конце подхожу и пару раз пинаю труп от всей души. Чем привожу публику в восторг. Она получила хлеба и зрелищ и теперь ждет следующего боя. Надеюсь на еще более кровавую схватку.

— Ты как? — Док меня осматривает, светит в глаза, про-

щупывает пульс.

— Нормально, — разминаю шею. — Только боли не чувствую, это нормально?

— Завтра отходняк словишь, — морщится он. — Будет херово, сразу говорю.

— Ну, все лучше, чем смерть, — отмахиваюсь.

Что странно, я не чувствую ничего. Эмоции схлынули, и теперь внутри осталась только выжженная пустошь. Я не чувствую радости от смерти Быка, не чувствую вкус свободы. Только мощное моральное опустошение.

— Ну что, жить будет? — два охранника, Филлипов и Земнов, подходят к нам.

— Все в порядке, подтверждает Олег, отходя от меня.

— Тогда пошли — ухмыляется Филлипов, застегивая наручники на моих протянутых вперёд руках. — Там девки уже заждались. Сладкие такие цыпочки. Натрахнешься вволю.

— Не интересуется, — морщусь я. И ничуть не кривлю душой. После предательства Аньки вообще на баб смотреть не могу. Да, наверное, не все они лживые подлые твари. Но проверять больше как-то не тянет. — Можно мне в душ и в камеру?

— Разбежался, — заявил Земнов. — Вечер только начался. И нечего нос воротить от девок. Шикарный же подарок. Попробовали вчера одну стервочку. Сладкая была. Жаль, что кончилась быстро. Но ничего, тех кого не выберут бойцы, попробуем мы. Зотов обещал.

Вот же мрази. Не знаю, что там за девки, но вряд ли они заслуживают той судьбы, которую им приготовили. Внутри вновь всколыхнулась ярость, захотелось кинуться на Земнова, оттянуть ему голову и бить до тех пор, пока не раскрошится череп.

Лишь твёрдая рука Олега удержала меня от глупостей. Я видел, что ему тоже противно. Но он ничем не может помочь этим женщинам. Док тоже лишь пешка в чужой игре. Мы все в этой проклятой тюрьме лишь фигуры на шахматном поле.

Удивительно, да? Даже за четыре года на зоне я не успел оскотиниться. Несмотря на рану, нанесенную в спину любимой, я не мог считать зверства над женщиной нормальным явлением.

Наверное, мать правильно воспитала. Жаль только, что ушла так рано. Хотя тут тоже как посмотреть. Она хотя бы не видела меня за решеткой. Повезло.

Батя же умер в день вынесения мне приговора. Сердце не выдержало горя. А мне даже попрощаться не дали. А Аня, сука, даже похороны организовать не захотела.

Спасибо Максу, единственному другу, кто не отвернулся и остался со мной в беде. Он передавал мне передачи, помог похоронить отца, поставил на могилу памятник.

Даже сейчас он шлет мне письма в Золотой пик. Последнее я получил неделю назад. Я шифром рассказывал ему о том, что творится в тюрьме, так что он знал о турнире и желал мне победы. Говорил, что ждёт моего выхода на свободу.

Чтобы потом хорошенько оттянуться.

— Шевелись давай, Бешеный, — издевательски хохочет Земнов, толкая меня в спину. Пойдём за твоей наградой.

Мне не дают даже обтереться. Ведут по коридорам как зверя, всего в крови, в одних шортах.

Так и загоняют в помещение, где сгрудились в кучку девушки. Которые как по команде поворачивают головы в мою сторону.

А у меня не остаётся слов. Даже матерных. То, что я вижу, заставляет ладони сжиматься в кулаки от бессильной ярости.

Блядь! Девочки же совсем молоденькие, едва ли здесь есть хоть одна старше двадцати пяти, и запуганные донельзя. Обряженные, правда, как последние шлюхи, но по перепуганным глазам видно, что собой торговать не привыкли.

Обычные девчонки, которых силой вырвали из обычной жизни и отправили на бойню. В мясорубку, в которой выжить шансов очень мало.

Я знаю, посмотрелся турниров за эти годы. Видел как избавлялись от тел бойцов, сгинувших в клетке, и от тел девушек, которые не выживали после недели взаперти с одичавшим мужиком. Олег рассказывал в каком они были состоянии. Ему как врачу приходилось констатировать смерти.

Каждый раз после турнира он брал двухнедельный отпуск и бухал до беспамятства. Просто чтобы не сойти с ума. Ведь сделать всё равно ничего не мог. Против системы не попрёшь.

Девчонки трясутся как тростинки, плачут, жмутся друг к другу. Я же начинаю звереть и отвожу взгляд от полуголых тел.

Не нужно мне всё это! Не нужно!!! Не привык я брать баб насильно, а тут добровольностью даже пахнуть не будет. Они же еле живые от страха. Что неудивительно, я весь в кровищи с головы до пят. Любая в штаны от страха наложит.

— Давай, Бешеный, — хохочет Филиппов. — Я сегодня добрый, так как ты мне принес кучу бабла. Выбирай приз живую. Можешь даже потрогать. Потестировать, так сказать.

— Меня не интересуют бабы. Только свобода. Этих шалав оставьте себе, — говорю сознательно грубо, но моя отмаза не канает.

— Не, так не пойдет, Бешеный. — снова мерзкий смех. — Ты же знаешь, что заказчики жаждут и более горячего развлечения на вечер. Так что выбирай.

Да знаю я, чего хотят зажавшиеся богатенькие недоноски. Сперва кровищи на арене, а потом жесткого хоум-видео. Уроды... И ведь не откажешься теперь. Не для того я рисковал своей шкурой, чтобы всё прошло впустую. Придётся теперь идти до конца.

— Мне без разницы кого драть. Лишь бы дырки рабочие были. Так что выбери по своему вкусу. — сознательно изображая равнодушие и отвожу взгляд, не давая похоти одолеть разум.

А желания тела берут вверх при виде красивых полуобнажённых тел. Чистая физиология, мать её.

— Ну как хочешь, — гнусно хохочет шакал, обходит комнату, сальным взглядом раздевая несчастных, а потом резко хватает одну из девушек.

— Нет! — кричит совсем молоденькая девчонка, когда этот амбал её вздергивает на ноги как куклу. Но мой взгляд падает не на неё, а на её... кого? Товарку по несчастью, подружку? Впрочем, это не важно.

Важно, что я замечаю эту зеленоглазку и почти перестаю дышать. Красивая сучка. Волосы как жидкий огонь, точёная фигурка, соблазнительные сиськи, выставленные напоказ высоким корсетом. Но самое главное — это выражение лица. Какое-то неземное, особенное.

И то, как она рванула на помощь подружке, понимая что всё бесполезно.

Девчонка водит взглядом по моему телу, рассматривает. Я понимаю, что боится, ужас так и плещется в нереально огромных глазах. Монстра во мне видит, тут гадать не нужно. Кого еще может видеть испуганная до полусмерти девочка в перепачканном кровью зэке. Только чудовище.

А меня клинит на ней. Словно пулей насквозь прошивает. Этот испуганный взгляд моим воспалённым сознанием ощущается как ласка.

Торкает от него так, что член моментально делает стойку. Яйца чуть ли не дымиться начинают.

Будь оно всё проклято, но я хочу её. И уже похер на камеры, и похер на то, что она добровольно вряд ли меня захочет...

Ничего, потерпит куколка. Лучше её возьму я, чем эти подонки.

Я хочу себе эту рыжую зеленоглазку. Она мой выигранный трофей, и я его получу.

— Её хочу, — указываю на девушку разбитой в бою рукой.

Глаза куклы при этом становятся еще больше от страха. Она знает, что её ждет, но понимает, что сопротивляться бесполезно. Потому сразу встает, хотя обречённость сквозит в каждом движении.

На рефлексах делаю рывок к ней, но меня оттаскивают и выпроваживают из комнаты. Рычу, не нравится мне, что добыча ускользает из рук.

А ладони аж горят, так дотронуться до сладкого тела хочется. Везде и сразу. И сделать так, чтобы не тряслась, а сама отдавалась. Чтобы кричала на всю эту трижды проклятую тюрягу, срывая голос.

— Ну вот, — паскудно оскалился Земнов. — А говорил, что не хочешь. А сам завелся с пол-оборота. Терпи, через пару часов приведут тебя к твоей девке.

Кровь жесткими толчками бьёт в виски, адреналин гуляет по телу, побуждая к активным действиям. Дикое возбуждение сводит с ума, но я терплю и покорно иду в своё крыло.

Понимаю, что надо хотя бы от кровищи отмыться сначала.

Чтобы девчонка от страха не откинулась прежде, чем я к ней прикоснусь.

Но когда встаю под ледяной душ, всё равно вижу её перед глазами. Представляю всё то, что с ней сделаю и схожу с ума от предвкушения...

Моя! Моя! МОЯ! — беснуется зверь внутри меня. Чувствует свою самку, рвётся к ней. Хочет подмять под себя и овладеть, присвоить, заклеить. И я знаю, что скоро позволю ему сорваться с цепи...

Глава 3

Лера

— Ааа! Отпустите!!!! Не надо!!!! Пожалуйста!!! — истошный вопль прорезал помещение, а я закрыла уши и уткнулась лицом в колени. Напоследок успев увидеть, как охрана выволакивает из камеры сопротивляющуюся Таню.

Не могу этого больше слышать, просто не могу! Уже три месяца я нахожусь в этом крошечном аду, и с каждым днём становится всё хуже. Шансы на то, что удастся выжить, тают с каждым часом.

Из тридцати девушек, с которыми я попала в место, которые эти ублюдки называли «Передержкой для сучек» до конечного пункта назначения дожили четырнадцать.

Было пятнадцать, но вчера Аля слетела с катушек. У неё совсем сдали нервы, и в отчаянии она накинулась на одного из наших мучителей, расцарапав ему лицо, шею и плюнув в глаза. Успокоил её только удар головой о стену.

А потом... Потом эти сволочи устроили показательное наказание. Они выволокли нас всех в общий зал и заставили смотреть на экзекуцию.

Несчастную подвесили на цепь за скованные руки и вздернули так, что до пола она доставала лишь кончиками паль-

цев.

Один из подонков достал кнут и нанес около десятка жестоких ударов. После третьего меня стошнило, но досматривать всё равно пришлось.

Закончив с поркой, они толпой насильовали девушку на наших глазах... продолжая при этом избивать. Прошли сутки, а её крики по-прежнему стоят у меня в ушах.

Нам сказали, что всех нас ждет та же участь, если посмеем хотя бы пикнуть. Естественно, пикнуть никто не посмел. Мы просто жались друг к другу и тихо плакали. Боясь даже шелохнуться лишний раз.

Жить хотелось всем. Жить и вырваться из этого непрекращающегося кошмара. Только я уже сомневалась, что впереди нас ждет свет в конце тоннеля.

Нам толком ничего не говорили. Сказали лишь, что мы призы в какой-то жуткой игре. Все это время из нас делали кукол для победителей. Временных игрушек, которым нужно раздвигать ноги и вообще всячески ублажать какого-то мужика. Того, кто выберет нас в качестве награды.

А после того, как победитель насытится, нас отпустят на свободу. С условием, что о произошедшем будем держать язык за зубами.

О том, что с нами будет в случае попытки обратиться в органы охраны правопорядка, нам весьма доходчиво объяснили и словесно, и в виде фотографий. Телесными наказаниями тоже не гнушались. Мне вот на память оставили рва-

ный шрам на лопатке.

Ну и казнь Альки стала самым убедительным доводом для того, чтобы навечно закрыть рот.

Почему казнь? Её вроде уносили еще живой, но... Окошко в той камере, куда поместили меня и Алёну, выходило на тюремные задворки. И сегодня на рассвете я выглянула в него, привлечённая звуком мотора, и увидела, как в грузовик укладывают сверток, напоминающий мешок для трупов.

И что-то мне подсказывает, что в мешке этом было тело Алевтины. Я с трудом сдержала крик ужаса и с головой спряталась под тонкое одеяло.

Свернувшись калачиком, начала читать про себя молитву за упокой души несчастной девушки. После всех пережитых мучений, надеюсь, она заслужила себе место в раю.

Девочкам я ничего не сказала. Не хотела делать хуже. Так у них есть хотя бы надежда на лучший исход. В то время как я её уже потеряла. Ровно в тот момент, как смогла рассмотреть обстановку.

Нас привезли в тюрьму. Очень хорошо охраняемую, судя по виду из окна и количеству снующей везде охраны. Не требовалось особого ума, чтобы сложить 2+2. Нас отдадут в руки зэков. Злобных, агрессивных и крайне жестоких. Давно не видевших женщину. А следовательно, шансы обрести свободу почти равны нулю.

Я украдкой рассмотрела парочку арестантов и содрогнулась от отвращения. При мысли, что такое чудовище будет

меня трогать начинало тошнить. Не говоря уж о чем-то большем.

Наверное, Аля единственная из всех, кто поняла это, потому и сорвалась. И я ею даже гордилась. Она, по крайней мере, умерла, борясь за честь и свободу. А я просто трусиха.

Трусиха, которая трясётся тихонько в уголке, зная, что её ждет, но не предпринимает ничего, чтобы что-то изменить.

Наверное, эти твари сломали мне психику. Потому что я начала подстраиваться под условия, и из двух зол выбрала меньшее. Лучше лечь под одного подонка, чем под целую толпу. По крайней мере, мучений будет меньше.

— Лера, — тем временем потрясла меня за плечо перепуганная Алёнка. У нее от слёз растекся весь макияж, который нам накладывали. Уж не знаю зачем, но над нами колдовали всё утро. Наряжали, красили, причесывали. Придавали товарный вид. Хотя ради эков можно было и не стараться. Им ведь всё равно кого трахать. — Как думаешь, куда они её?

— Сама знаешь, — поджала я губы. — Наверное, первый бой закончился. Вот победитель и потребовал свой трофей.

— Господи, — простонала она, а потом посмотрела на меня с надеждой. — Думаешь, она вернётся домой?

— Не знаю, — выдохнула я. — Надеюсь...

Больше мы не говорили. Было страшно. Просто молча сидели и ждали своей судьбы.

Следующей забрали Маринку, высокую брюнетку с зелёными глазами. Она даже не сопротивлялась, лишь коротко

махнула нам на прощание и вышла вместе с охранниками... Нам же оставалось только ждать и умирать от неизвестности.

А ещё через пару часов дверь распахнулась, и в комнату ввалился мужчина в сопровождении охраны.

При одном взгляде на него моё сердце чуть не остановилось от страха. Высокий, никак не меньше метра восьмидесяти пяти, накачанный и весь в крови. Буквально с головы до ног он был заляпан кровью.

Костяшки были сбиты чуть ли не до мяса, на левой стороне лица наливался фингал. На руках и торсе разливались синевато-бордовые гематомы. Мощные руки были прочно закованы в металлические наручники. И на всем потёки алой крови.

Монстр. Господи, это настоящий монстр. Такой огромный... Не повезёт той, которую он выберет. Этот зверь её на клочки порвет...

— Давай, Бешеный, — хохотнул один из охранников. — Я сегодня на добрый, так как ты мне принёс кучу бабла. Выбери приз вживую. Можешь даже потрогать. Потестировать, так сказать.

Монстр окинул нас каким-то пренебрежительным взглядом и скривился как от кислого лимона.

— Меня не интересуют бабы. Только свобода. Этих шалав оставьте себе.

От этих слов я невольно дернулась. С одной стороны, нас действительно нарядили как последних шлюх: короткая юб-

ка, корсет, чулки, туфли. Но с другой стороны, стало обидно, ведь у меня вообще мужчины ещё не было. Как и у Алёнки. И от этого было вдвойне страшнее. Первый секс и сам по себе малоприятен. А когда он замещен насилием, то...это ужаснее в тысячу раз.

— Не, так не пойдёт, Бешеный. — снова мерзкий смех. — Ты же знаешь, что заказчики жаждут и более горячего развлечения на вечер. Так что выбирай.

Зверь выматерился и еще раз прошелся по нам взглядом. Снова мотнул головой.

— Мне плевать. Выбери по своему вкусу.

— Тогда давай эту, что ли, — немного покружив по комнате, охранник резко схватил и поднял на ноги перепуганную Алёнку.

— НЕТ!!! — забывшись, крикнула она, трепыхаясь как перышко в руках мужчины.

А я инстинктивно рванула за ней, в безнадёжной попытке помочь, но застыла на полпути с прижатой к груди рукой.

Потому что внезапно встретила взглядом с карими глазами, в которых так и плескалось безумие. Нервно сглотнув, уставилась на мужчину, как кролик на удава.

А он внезапно напрягся весь, подобрался, склонил голову набок, рассматривая меня как диковинную зверушку. Даже носом стал странно шевелить. Словно... пытался учуять мой запах?

— Я передумал. Хочу себе вот эту зеленоглазку.

За одну секунду моё сердце будто оборвалось и полетело куда-то в пропасть. Кажется, я вытянула самый неудачный номер из возможных. Но лучше уж я, чем Алёна. Пусть ей достанется кто-то получше.

— Лера...— простонала она, когда я поднялась. Сама. Чем меньше рук ко мне прикоснётся, тем лучше.

— Со мной всё будет хорошо, Алён. А ты тут держись.

Так странно. Никогда не умела и не любила врать. А сейчас ложь так легко сходит с языка. Наверное, потому, что другого выхода просто нет. Ведь я знаю, что для меня это дорога в один конец.

Глава 4

Лера.

— Ну что ты так трясешься? — омерзительно хохотнул высокий рыжий охранник с противной родинкой на подбородке. — Тебе повезло. Бешеный тот ещё тип, но принципиальный, с женщинами не воюет. Не обидит тебя. Просто оттрахает хорошенько — и всё. Будешь потом свободна как ветер.

Я внутренне поёжилась от сказанного. Бешеный... Это и есть его кличка? Я не особо разбиралась в тонкостях тюремного мира, но из просмотренных в детстве фильмов знала, что у арестантов обязательно должна быть кличка. Или погоняло, вроде бы так это называлось.

Я припомнила облик мужчины и вздрогнула. Точно — Бешеный. Лучше и не скажешь. И вот его они называют неплохим вариантом?

Каким зверям тогда отдадут других девочек? Сердце сжалось при мысли об Алёнке. Ей точно туго придётся. Но в данный момент я ей ничем помочь не могу. Да и себе тоже.

Меня ведут по бесконечным коридорам, продолжая глумиться. Надеясь на то, чем для меня закончится этот вечер.

Причём коридоры эти удивительно пустынные. Я не замечаю ни камер, ни мастерских, ни заключённых. Но это и к лучшему, наверное. Мне не хочется попасть на обозрение к

толпе возбуждённых мужиков.

Вполне хватает похотливых взглядов надзирателей, от которых уже тошнит.

— А неплохой вкус у Бешеного, — поцокал блондин, опустив руку мне на задницу. — Есть тут, за что подержаться. Я бы сам её оприходовал, если бы бесхозной осталась. Жаль, жаль...

— Руки при себе держи, Толян, — одернул его рыжий. — Призы трогать нельзя. Мы и так вчера одну использовали. Второй раз лучше не нарываться.

Меня затошнило. Они об Альке говорили как о рулоне туалетной бумаги. Сволочи! Неужели у них нет матерей, сестер, дочерей? Как можно так поступать?

— Эй, цыпа, не отключайся, — рыжий встряхнул меня за плечи. — Ты организаторам нужна живой и бодрой. Заказчикам нужно хорошее шоу.

— О да, — расхохотался Толян. — С удовольствием посмотрю трансляцию. Передерну от души.

На меня волнами накатывала дурнота, но я старалась держаться. О какой трансляции речь — даже думать не хотела, хотя и догадывалась. Просто попыталась отключить сознание: ничего не слышать, не видеть, не чувствовать.

— Все, цыпа, пришли. — наконец меня втолкнули в помещение и с рук сняли наручники. — И смотри без глупостей. Помни, что вчера было.

С ненавистью посмотрела на рыжего, до крови прокусив

губу. Стиснула руки в кулаки, стараясь не сорваться. Судьбу Али повторять не хотелось.

Сдохните, твари! Так и хотелось им проорать. Но голос разума и инстинкт самосохранения оказались сильнее.

— Ого, какая! — восхитился Толян. — Такая же бешеная, как и он. Дикая парочка.

— Да, шоу будет горячее, — похотливо усмехнулся рыжий, а блондин напоследок не удержался. Шагнул ко мне, схватил одной рукой за волосы, а второй больно сжал грудь.

— Давай, покричи, сучка!!!

В ответ я лишь крепче стиснула зубы. Не дожждётся. А он ещё сильнее начал давить, и из глаз все же брызнули слезы. И рыжий на этот раз не одёрнул друга.

Мне казалось, он и сам не против присоединиться. С такой похотью смотрел на то, как напарник меня мучает.

Рация, запиликавшая у него на поясе, меня спасла. Мужчина помотал головой, нахмурился и тут же оттащил напарника-полудурка.

— Хорош! Полапал, и хватит. Пошли, нас ждут уже.

— Готовь свои дырки, цыпа, — ухмыльнулся блондин, направляясь к выходу. — Они тебе скоро понадобятся. Смотри не порвись. Лечить некому будет. Док у нас спец по другим делам.

Как только за недоносками закрылась дверь, я получила возможность оглядеться. Довольно просторное помещение. Большое, больше похожее на дорогие апартаменты в отеле,

чем на камеру в тюрьме.

Единственное, отсутствие окон сразу бросалось в глаза, но недостаток освещения с избытком восполняли лампы дневного света.

На полу лежали ковры, слева был устроен уголок отдыха: диван, кресла, журнальный столик. На стене висел плазменный телевизор. За дверью поодаль очевидно скрывалась ванная комната. Проверять, правда, я не стала.

Справа было что-то похожее на мини-обеденную зону — стол и пара стульев.

А посередине помещения располагалась огромная кровать, застеленная белоснежными простынями. Большая такая, деревянная. С резным изголовьем, от которого шли цепи с наручниками.

От этого зрелища страх накинчился на меня с новой силой. Как я ни старалась держаться, бодриться, но сейчас все пошло прахом. Остались только горькая тоска и полнейшее отчаяние.

Попятившись, наткнулась спиной на стену и сползла по ней вниз. Закрыла глаза и уткнулась лицом в колени.

Говорят, что ничего страшнее смерти нет. Но я в этом уже не уверена. То, что ожидает меня — гораздо хуже смерти.

Не знаю, сколько я так сидела, но звук открывшейся двери заставил подорваться. Я буквально отлетела к противополо-

ложной стене, с ужасом наблюдая за тем, как Монстра ввели в комнату.

Охранники сняли с него наручники, наговорили пошлостей и вышли. Оставив нас наедине. Дверь захлопнулась с металлическим лязгом.

— Как тебя зовут? — голос монстра заставил меня вздрогнуть.

Ужас охватил сознание, сердце начало с утроенной силой долбить в грудную клетку. Перед глазами начало плыть.

А ведь при других обстоятельствах я бы сочла этот голос красивым. Но только не сейчас, не в таких условиях.

Сейчас этот голос нёс в себе угрозу. Смертельную опасность. Как и взгляд. Безумный, полный дикой похоти.

Опыта у меня совсем нет, но тем не менее я ощущала, как мужчина буквально раздевает меня взглядом. И легче мне от этого не становилось.

— Как тебя зовут?

— Лера, — кое-как выдавила из себя. Просто чтобы не злить.

К слову, выглядел Бешеный получше, чем пару часов назад: никакой крови, чистые темные штаны и темная футболка. Лицо на вид не такое страшное, как показалось сначала. Волевой подбородок, высокие скулы, широкий разлет бровей. Выбритые виски и затылок и чуть отросшая макушка.

Но сбитые в кровь руки, синяки и гематомы напоминали о том, кто он такой. Напоминали о том, что он опасен. Уж

молчу про хищные повадки, которые меня безумно пугали.

Один шаг в мою сторону — и я отлетела к стене.

— Лера, — процедил он моё имя сквозь зубы. — Красивое имя. Тебе идёт. Меня можешь звать Ал... Тигр...

В этот момент его взгляд меняется. Становится задумчивым. Он будто погружается в прошлое, и я вижу в его глазах проблески человечности.

— П.. пожалуйста, — воспользовавшись моментом, решаюсь попросить пощады. — Тигр, не трогай меня. Я не хочу.

— Поздно, Лера, — он мотнул головой и стянул с себя футболку, обнажив мощный торс. — Ты теперь моя. Не сопротивляйся, и я не сделаю тебе больно...

И начал приближаться, загоняя в угол как зверька. А я не выдержала. Во мне лопнула какая-то струнка, и я рванула со всех ног, хотя и понимала, что все бесполезно. Из запертой комнаты не сбежать. Это ловушка.

Но паника уже захлестнула, я не соображала, что делаю. Просто бессмысленно металась из угла в угол. До тех пор, пока Бешеный не схватил меня за руку и не дёрнул на себя.

Я не успела даже взвизгнуть, как оказалась вжатой лицом в стену. А мои руки оказались заведены за спину и стиснуты в запястьях жестокой рукой.

— Пожалуйста, не надо... пожалуйста... — я заерзала, пытаясь высвободиться, но сделала только хуже, потому что мужчина плотнее ко мне прижался, и я почувствовала твёрдость, упирающуюся мне в ягодицы.

— Да не дёргайся ты, — послышалось сзади злое рычание, и я вскрикнула от боли в заломленных руках. — Хуже только сделаешь себе.

А дальше двумя рывками он избавил меня от корсета, а следом за ним на лоскуты была порвана юбка.

Я шумно задышала, почувствовав тяжеленную лапу на обнажённой груди. Длинные пальцы сжали сосок, чуть не заставив заскулить.

Нет, Тигр трогал иначе, чем та сволочь в форме, не причинял боли, но для меня уже не было разницы.

Мне было ненавистно это прикосновение и, извернувшись, я хорошенько приложила затылком о его лоб. Ну и ногой по колену заехала.

— Сука... — прорычал он, выпустив меня из захвата. Только вот мои удары оказались Бешеному как слону дробина. Уже через пару секунд он очухался и с бешенством во взгляде попер на меня.

В ужасе я начала отступать, ища что-нибудь, чем можно было бы огреть это чудовище. Только не нашла ничего. Да и глупо было надеяться. Мы же в тюрьме.

— Не подходи, — в исступлении швырнула в Тигра пультом от телевизора, но тот пролетел мимо и разбился о стену.

— Ну все, допрыгалась, — в один миг он оказался рядом и, грубо схватив за волосы, потащил к кровати. На которую и швырнул.

— Видит Бог, я хотел по-хорошему, но ты сама напроси-

лась, — прорычал он, подтягивая меня за щиколотки к себе и раздвигая ноги. А я издала стон отчаяния, увидев его глаза.

Там не было человечности. Это все мне лишь почудилось. Там не было вообще ничего. Только чернота, затопившая радужку. И холодная пустота.

Кажется, своим сопротивлением я подписала себе приговор. Этот монстр меня изнасилует, а потом убьёт... Теперь уже точно...

Мне не выйти отсюда живой.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.